

Надея
Ясминска

НА СПИНЕ
ЛОСКУТЯГО ДРАКОНА

Надея Ясминска

На спине лоскутного дракона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20099130

Аннотация

Когда берешь в руки новую книгу, то словно на миг застываешь перед бумажным тайником. Что там, под обложкой? Быть может, длинные бусы – целый роман, где есть завязка, развитие и логический конец. А может, отдельные бусины, которые хочется повертеть в пальцах и рассмотреть на солнце, – миниатюры, маленькие рассказы.

Рассказы в этом тайнике сшиты друг с другом крепкой нитью, поскольку принадлежат одному миру – Эрминтии. Миру, где люди когда-то верили, что живут на спине исполинского дракона. И если подняться высоко-высоко, то можно увидеть, что дракон этот не чешуйчатый, а будто лоскутный: бархат леса, атлас озера, холст полей... И так же, как цвета, в нем переплетены чувства.

Сборник фэнтези-рассказов и миниатюр о волшебном мире для взрослых читателей, время от времени ныряющих в иную реальность.

НАДЕЯ ЯСМИНСКА

НА СПИНЕ ЛОСКУТНОГО ДРАКОНА

Фэнтези-рассказы и миниатюры.

* * *

Когда берешь в руки новую книгу, то словно на миг застываешь перед бумажным тайником. Что там, под обложкой? Быть может, длинные бусы – целый роман, где есть завязка, развитие и логический конец. А может, отдельные бусины, которые хочется повертеть в пальцах и рассмотреть на солнце, – маленькие рассказы, миниатюры.

Последние, бывает, начинаются внезапно и точно так же обрываются. Это нырок: задержал дыхание, прыгнул, открыл глаза и вынырнул. Это примерка шляпы из старого сундука: надел, глянул в зеркало и спрятал обратно. Как писал один книжный маг, рассказ подобен окошку в чужой мир, чужой ум, чужой сон. А сборник рассказов хорош тем, что это не ухоженный сад, а горное разнотравье: не понравился один цветок – сделай шаг, переверни страницу, и вот у тебя в руках совсем другой.

И все же рассказы в этом тайнике сшиты друг с другом крепкой нитью, поскольку принадлежат одному миру – Эрминтии. Миру, где люди когда-то верили, что живут на спи-

не исполинского дракона. И если подняться высоко-высоко, то можно увидеть, что дракон этот не чешуйчатый, а будто лоскутный: бархат леса, атлас озера, холст полей... И так же, как цвета, в нем переплетены чувства: тут вспыхнет счастье, там промелькнет боль, где-то встопорщится ненависть, где-то появится надежда.

Когда-нибудь огромный зверь проснется и стряхнет со своей шкуры все ненужное. Но пока он спит. И можно приоткрыть окошко.

ТРОЛЬ КОГДА-ТО УКУСИЛ

Югр медленно брел по дороге, надвинув старую шляпу на самые глаза. Лужи, попадавшие на пути, внимательно обходил – берег сапоги. Он почти вышел из деревни, когда к нему привязался мальчишка.

– Дяденька мельник, а куда вы идете?

– В Лес, – немного помолчав, ответил Югр.

Глаза мальчика изумленно распахнулись.

– Что же – в сам Лес? И не боитесь? Там, говорят... А зачем вам туда надо, дров принести? – Все еще круглые глазенки шарили по его спине, пытаясь отыскать топор. Топора не оказалось, но паренек все равно добавил: – Дрова у моего отца купить можно.

– Я просто хочу побродить.

Будь у Югра вместо шляпы сверкающая корона, она не

вызвала бы такого восхищения, как эти слова. Подумать только, идти в Миралингес, Древний Лес – «просто побродить»! Мальчишка засеменял рядом, стараясь попадать в шаг. Он долго решался и, наконец, выпалил:

– А мне с вами можно?

– Ялмар! – раздался резкий выкрик из соседнего дома. Старая пряха продавила свое тело сквозь узкую дверь и спустилась во двор. Деревянные ступеньки жалобно хныкали под ее ногами. – Не приставай к человеку! Иди сюда!

Паренек с явным сожалением шагнул назад – ведь мыслими он был уже в Лесу. Но послушаться не посмел и потому побежал к бабке, сверкая голыми пятками. А Югр прошел до самого поля, сел на пожелтевшую кучу вершков редьки и закурил. Ему нравилось вот так курить трубку и слегка раскачиваться. До него доносился скрипучий голос пряхи. Она-то думала, что ее не слышно, но чуткий слух Югра ловил каждое слово.

– Не лезь к мельнику, Ялмар, слышишь? У него не все дома. Ходит в свой Лес – ну и пусть! Допрыгался однажды. Ты его кожу видел? Троль как-то укусил, года три тому. Вот бе-долагу и разнесло. Подцепил, видать, тролльскую болячку...

Югр задумчиво выбил трубку о камень.

– Хотя... что ни делается, то к лучшему, – продолжила старуха, обращаясь скорее к себе, чем к внуку. – После того случая он стал другим человеком. Перестал жену поколачивать, с ребяташками начал возиться. Присмирел, так к его

виду и привыкать стали... Эй, поганец, что ж ты морковку под моим носом дергаешь? Немедленно в дом, и только вы-сунься!

Ялмар, схваченный за ухо, издал протестующий вопль. Снова простонали ступеньки, хлопнула дверь, и деревня погрузилась в мерные звуки косьбы и куриного квохтанья.

Посидев еще чуть-чуть, Югр стряхнул пепел со штанов, поднялся и направился в сторону Леса.

Нет, не три, а четыре года назад – он прекрасно помнил тот день. Когда верзила-крестьянин полез на него с рогатиной – так, от скуки и нехватки ума. Мясо того человека было жестким, а вот одежда пришлась в самый раз. Особенно сапоги – толстые, добротные. Тогда Югр подумал, что устал от одиночества. Он вернулся из леса больным мельником по имени Эрвим, освоил работу и быт. И никто не догадывался – кроме, пожалуй, жены. Она все поняла, но ни разу не обмолвилась об этом.

Только Лес не отпускал. Шептал на ухо, манил. А Югр покорно навещал его, словно старого родителя. И сейчас тролль снова шел к нему – просто так, «побродить» – оставляя на дороге глубокие следы.

КОТ И БАШМАЧНИК

Гвим по прозвищу Долголап, давний староста деревеньки Замхи, удобно вытянулся в кресле и поднес к губам стопку с

вишневой настойкой – как раз в тот момент, когда мир явил ему свое несовершенство в виде досадного стука в дверь. Долголап поморщился и спрятал стопку под стол. Потом подумал и убрал с глаз долой весь графин.

– Войдите! – распорядился он.

Но, в общем-то, его разрешение было ни к чему: дверь уже распахнулась, и в комнату вкатилась, на первый взгляд, пара перезрелых головок сыра, а на второй – две женщины, весьма схожие между собой: в годах, с желтоватой кожей и угрюмо поджатыми губами. Разве что первая была постарше, а вторая – потолще. Сами гости свою схожесть не признавали, ибо люто ненавидели друг друга. И если бы не общая беда, они бы даже побрезговали справить нужду на одном и том же поле.

– Ну? – с легкой усталостью спросил староста. Эта парочка уже навевалась к нему с «делом о сгнувшем башмачнике» – так он окрестил его про себя. Мужичок однажды ушел из дома и не вернулся: скорее всего, попал в лапы медведю, троллю или утоп в болоте. Прошел месяц, другой, и все уж забыли о бедняге Ильве, но только не его жена и сестра. Они твердо верили, что их дражайший супруг и брат во все не пропал, а где-то укрылся, чтобы им досадить.

– Ну? – нетерпеливо повторил Гвим, краем уха уловив какое-то шевеление за спинами достойных дам.

– Вот! – выпалила та, что постарше, и сунула старосте под нос тощего облезлого кота. Кот уныло висел, схваченный за

шкирку, и даже не думал вырваться.

Долголап закатил глаза.

– Ну сколько можно, бабоньки? Мы же с вами условились...

– Да ты взгляни на него, дубина! – огрызнулась та, что потолще, нисколько не смущаясь старостецких чинов и нашивок. – Зубом клянусь, это мой муженек! Вот ухо, видишь ухо? Левое причем, а не какое-то! Такое же куцее, как у моего Ильва, чтоб его троллиха на себе женила! – И для пущего убеждения встряхнула кота, который жалобно заворчал и прижал уши к голове.

«Так уже женила», – подумал Гвим, а вслух усмехнулся:

– У меня кобыла – тоже полуушка. Что же, и ее сюда притащим?

– Это еще не все, – обиделась сестра. – Есть доказательство.

– Какое?

– Морда!

– А что с мордой?

– Не видите разве? Она же наглая!

– Да уж, для обычных котов это редкость.

– Ну конечно, не веришь, – процедила жена. – Сидишь тут развалясь, и ни до кого тебе дела нет. Говорю же я, что этот хвостатый паскудник – мой муж! Он сам мне по пьяни обмолвился, что в молодости какими-то чарами шалил и мог превратиться в кого угодно. Ловишь, нет? В кого угодно,

хоть в крыса, хоть в ката. И сделал это, чтобы меня уесть. Показать, какая я была дура, что ему поверила. Отдала лучшие годы...

– А я его малого ягодами кормила, – вдруг тонко проскулила сестра. – Себя обделяла, а его кормила!

– ...ведь могла же за сапожника замуж выйти. Не просто за башмачника, а за сапожника!..

– ...дом свой обещал оставить, когда новый себе заделает! Я уже и так и эдак намекала ему: поскорее бы...

– ...работала, не разгибая спины, а он что? Где благодарность?

– ...тогда решила, что хоть поживу у него, все-таки старших по крови уважать надо...

Голоса женщин – резкие, лающие выкрики одной и жалобные подвывания другой – словно скрутились в спутанный незримый клубок, в центре которого трясся на мощной руке несчастный кот, работающий восклицательным знаком в каждой фразе. Староста потер виски и постарался расслабиться, вытянув ноги. Под столом призывно звякнул графин.

– А ну, прекратить балаган! – неожиданно даже для самого себя рявкнул Гвим. – Идите-ка вы домой. Сгинул ваш Ильв, неужто не ясно? Сгинул – и всё! Если он был таким хорошим магом и мог обратиться и в ката, и в крыса, то что он в наших Замхах забыл? Да еще и башмачником! Бредни какие-то... А животинку тут оставьте, не то вконец затюкаете.

Сестра выпустила кота, пинком отправила его в угол и вышла, хлопнув дверь. Но жена уходить не спешила. Она дождалась скрипа калитки, потом наклонилась к старосте и прошипела ему прямо в лицо:

– Что ж ты из себя дурня корчишь? Я же просила тебя. вытряси из Ильва, куда он спрятал деньги. При живой жене откладывать вздумал! Хоть в темницу его кинь – но выведай. Я бы в долгу не осталась. А Ильв... купил он тебя, верховода недоделанного! Ну, отвечай, где он? И золото где?

– Эй, бабеха, ты что себе позволяешь? – стукнул кулаком по столу Гвим и ощутил доселе неведомое, но весьма приятное чувство. – Смотри, как бы тебе самой в темнице не оказаться. Знать я тебя не знаю, и никаких дел у меня с тобой нет. Иди давай, пока бока без пятен!

Жена башмачника сжала зубы и вспыхнула ярким свекольным румянцем. Ее огромная нога высунулась из-под юбки в поисках жертвы, но кот, еще больше облезший от страха, благоразумно спрятался под дубовый стул. Поэтому удар пришелся по ножке стула, а затем женщина выскочила из комнаты, едва не снеся плечом полкосяка.

Золовка, видимо, ждала ее во дворе, потому что за окном какое-то время слышались приглушенные ругательства, словно они на ходу перекидывались мячом из чертополоха. Потом наконец-то наступила тишина – только время от времени раздавалось привычное фырканье лошадей и скрип старых телег.

Староста вздохнул, выволок кота из-под стула и заглянул ему в глаза.

– Ну что, Долголап? – с насмешкой спросил Гвим. – Что, наглая морда? Вот, оказывается, зачем ты ко мне тогда с угрозами пришел – моя женушка тебя надоумила! Все соки высосала, а все равно мало. И сестрица туда же... Ну теперь-то что об этом?

Кот сжался и хрипло мяукнул.

– Ладно, – смягчился староста. – Несладко тебе у них пришлось, да? Оставайся здесь, только под ногами не путайся. Я теперь Гвим, а ты тогда будешь Ильвом. Да, подходящее имечко – Ильв. За ухо-то прости...

Гвим Долголап бросил коту в угол старый плащ, потом для верности закрыл дверь на защелку и снова поставил на стол стопочку и графин.

ПОД ЧЕШУЕЙ

Он разговорился только после четвертой кружки яла – этот маленький, нелепый человек, рано увядший и усохший, словно у него и не было никакой молодости, словно из ребенка он превратился сразу в старика. Мы с Матти думали, что он станет жаловаться на женщин: подобные ему всегда так поступали. Но незнакомец за трактирным столиком стал повторять одно слово – «Фрх», сначала шепотом, потом в голос.

– Фрх? – переспросил Матти. – Как будто змеиный язык. Это кто такой – дракон?

– Ядозуб, – ответил захмелевший человек. – Наш домашний ядозуб.

Теперь стало ясно, отчего он так часто смотрел под стол, на грязные половицы у своих ног – сказывалась привычка. Правда, редко кто привязывался к ядозубам: они все же не собаки, и характер у них не сахар. Посадить на цепь дом охранять – дело одно, а водить с собой на поводке – другое. Чего доброго, оттяпает от хозяина хороший кусок.

– Нет! – с жаром возразил незнакомец и налил себе пятую кружку, попутно расплескав полкувшина. – Они все... понимают. И порой лучше людей, да, лучше!

Когда я был совсем мал, отец частенько меня поколачивал. Да что там поколачивал – бывало, после бочонка-другого с топором по двору гонялся. Матушка его особо не сдерживала, уж очень любила: днем он ей оплеух наставит, а ночью она его сон стережет и радуется, что супружник ее живой, дышит. Так вот, когда отец сильно буйствовал, я прятался в будку к Фрху. Знал, что к ядозубу не полезет, боится. Там, в будке, запах такой был – как груды палых листьев осенью. Я разговаривал с Фрхом, потом прижимался к нему и засыпал. Ядозубы – они ведь теплые... Он меня не трогал и будто бы всегда слушал.

Рос я скорее в будке, чем в доме, и потому многого не знал. Например, того, что отец зельями и отзельями про-

мышляет, порой тайными и самыми редкими. Понял я это лишь тогда, когда к нему заявили стражники: наш старый лорд был при смерти, и помочь ему могла особая исцеляющая мазь. У отца была эта мазь, но он решил, что самому нужнее. Он закрутил покрепче пузырек и заставил Фрха проглотить. Стражники весь дом перевернули, но, конечно, ничего не нашли. А из Фрха как-то тот пузырек... не вышел. Отец сказал: золото даже ядозубий желудок не переварит, а так сохраннее будет – тайник под чешуей. Если вдруг еще кто придет...

Потом прошло восемь лет, матушка уже почилла. Фрх постарел, и у него выпал зуб, но его все равно держали из-за пузырька. Я уже не вмещался в будку, и потому ночевали мы с Фрхом в деревянном сарае – домой меня особо никто не звал. И вот однажды отец заболел, как-то мгновенно слег. Метался на кровати и все хрипел про мазь. Зарежь, повторял, эту зеленую тварь, и вытащи. А я не мог убить Фрха. Ну просто не мог – он-то со мной всегда рядом был. Пусть не разговаривал, но слушал, а когда я спал, будто накрывал хвостом.

Отец умер на следующий день; я его похоронил, как полагается, рядом с матушкой – теперь им друг от друга никуда не деться. Дом продал, и мы с Фрхом пошли бродить. То тут жили, то там, но нигде не задерживались. Странно нам было среди людей. А потом и его не стало. Три года уж прошло...

Незнакомец замолк и уставился в свою кружку. Мы с Матти ждали. Наконец, мой друг не выдержал:

– Так сохранился у него внутри тот пузырек с мазью?

– А, – растерянно отозвался маленький человек. – Я как-то и не проверил.

Его рука скользнула под стол, и пальцы словно погладили чью-то тень, но там, конечно же, никого не было.

ОБ ЭТОМ НЕ РАССКАЗЫВАЮТ

Представление уже закончилось, зрители разбрелись кто куда, а Бохо никак не мог успокоиться. Он пыхтел и ходил кругами, потом стащил с себя деревянные доспехи и зашвырнул их подальше, процедив:

– Все, хватит! Пуцу на колбасу!

Проходивший мимо Родрим положил руку ему на плечо.

– Да брось ты, не принимай близко к сердцу.

– Что значит «брось»? – огрызнулся Бохо. – У меня серьезный номер! Глотать мечи – совсем не шутка, не то что тебе по канату ходить и рожи строить. Мой образ должен вызывать трепет, а не хохот, когда эта тролльская скотина выползает на сцену и тычется в меня мордой.

Они оба глянули в сторону столба, к которому был привязан Кляча – дряхлый, почти бесформенный от старости конь. Бродячий цирк не так давно подобрал его в лесу. Поначалу Кляча еще годился для перевозки разной утвари, но потом начал сдавать, и Толстяк, хозяин цирка, держал его то ли из жалости, то ли по привычке.

– Ну какая из него колбаса, – рассмеялся Родрим рассыпчато и звонко, как это могут делать только юные люди. – Пусть себе живет, бедняга, ему недолго осталось.

– А я говорю, что мое терпение лопнуло, – не унимался мечеглот. – Я иду к Толстяку, сейчас же иду!

– Послушай, не ходи, – тихо сказал канатоходец. – Я присмотрю за Клячей, не будет он тебя больше беспокоить. Если хочешь... – Парень на мгновение запнулся. – Если хочешь, я уступлю тебе номер с факелом. У тебя не хуже моего получается выдувать огонь.

Бохо замер на полушаге.

– Уступишь? – с недоверием переспросил он. – Из-за куска тухлого мяса? На кой он тебе сдался?

Родрим задумался, а потом развел руками.

– Сам толком не пойму. Но скажи, ты никогда не думал, что наш Кляча... как бы объяснить... не совсем простой конь? Он же не рвется к тебе на каждом выступлении – лишь тогда, когда ты надеваешь деревянные доспехи, черненные углем. Может, у его хозяина были такого цвета латы? Интересно, кто бы мог их носить? Мне все кажется, что я знал когда-то...

Парень замолк с приоткрытым ртом. Потому что он вспомнил. В голове промелькнуло детство и вечерние разговоры у камелька, и то, как он боялся историй о темных всадниках – тайной страже короля, быстрой, как взмах меча, и неуловимой, как ветер. Тогда маленький Родрим вздрагивал

от каждой ветки, стучащей в окно: ему казалось, там мчатся их вороньи лошади с горящими глазами. А отец смеялся над ним и говорил, что самая страшная сказка – сказка о песочных часах, потому что время не щадит никого. Только об этом не рассказывают – все так обыденно, так просто...

– Так что? – с ехидцей прервал его мысли Бохо. – Что там тебе кажется?

Родрим подошел к Кляче и осторожно приподнял его тяжелое опухшее веко. Глаз был мутный, подернутый пеленой старости, но где-то глубоко внутри еще виднелся багровый огонь.

– Ничего, – сказал парень и ласково похлопал коня по шее. – Ничего особенного. Забудь.

КАНИКУЛЫ

– Сделай хоть что-нибудь нужное, – втолковывал старый Хольд. – Для пользы дела, понимаешь?

Его внучка Ютта молчала, уставившись в пол. Перед ней на столе лежали довольно странные вещи: шар из темного стекла, деревянный куб, железная пирамида, пузырек с жидкостью, перо (почти как настоящее, наставник был бы доволен) и неприглядная лилия с запахом тины (а вот здесь не обошлось без ошибки). Но любому магу эти предметы были знакомы – самое начало, основа основ, первые каракули в волшебной тетради.

– Я плачу триста диаров в год за твое обучение, – продолжал дед. – Триста диаров, ты хоть понимаешь, какие это деньги? И ради чего? Конечно, я не ждал, что после первого года ты начнешь творить золотые слитки. Но хоть что-то годное в хозяйстве! Тот же орел, которого ты вызвала, на кой он мне? Яйцо, что ли, снесет? Лучше бы это была индюшка или, на худой конец, петух!

Птица, сидевшая на карнизе, возмущенно отвернулась.

– Это гриф, – едва слышно прошептала девочка.

– Драконий тиф, – передразнил старик. – Ладно, все с тобой ясно. Иди хоть капусту прополи, а то перед соседями стыдно.

Ютта встала и вышла во двор. Одна думала о том, что осень – невыносимо долгая пора и что каждый день до возвращения в школу будет для нее мешком за плечами, пригибающим к земле – земле влажной, плодородной и до боли чужой. Хольд тем временем выгнал грифа в окно, сгреб вещи со стола и закинул их в печь. Содержимое пузырька он вылил в навозную кучу, и на следующий день она заросла первоцветами.

ЕЩЕ НЕ ВРЕМЯ

– Государь вновь отправил меня на Остров, – сказал Ульям, стараясь, чтобы его голос прозвучал без всякой окраски.

– Я соберу твои вещи, – отозвалась Эйль.

Следуя негласному этикету высокого двора, она произнесла это ровно, даже буднично. Как будто собирала мужа в недолгий поход. Но внутри у нее все бурлило и клокотало. «Государь, – с горечью думала женщина. – Душегуб, убийца. Ненавижу тебя, Бальдок Однолист. Ненавижу!»

Она и года не прожила в этих краях, но уже знала, что такое Остров. Не благородный уход из жизни, как пытались его представить приспешники короля. А самая настоящая казнь, просто без лишних свидетелей. Виселица, топор палача – это грязный удел простолюдинов. Достоянные же люди в свой час идут на Остров вечного блаженства и славы, а на деле мучительно погибают от ядовитых испарений, которые каждую ночь изрыгает этот жуткий клочок земли. И не жизнью определяется тот «час», а всего одним человеком...

«Будь ты проклят, Бальдок», – вновь беззвучно прошептала Эйль. Уже настали сумерки, а на рассвете Ульм должен был отправиться в путь.

Не так уж много времени.

Она собрала мужу нехитрые припасы и уложила спать. Все это время они молчали – их близость давно обходилась без слов. Лишь засыпая под действием дурманящих трав, Ульм спросил:

– Ты обманывала меня когда-нибудь? Просто скажи, да или нет.

– Всего лишь раз, – улыбнулась Эйль. – И это было давно.

Легким движением руки и поцелуем она сделала его дыхание мерным и спокойным. Потом вышла во двор, расплела длинные волосы, расшнуровала платье и сняла ботинки.

Темнота обняла ее, скрыв от посторонних глаз. И женщина босиком пошла по дороге, ведущей на Остров. Она напевала вполголоса древнюю песню и с каждым шагом все сильнее ощущала мощь сырой земли. Местные считали эту землю бесплодной, лишенной магии – но нет, обделенными Даром здесь были только люди. Эйль чувствовала себя одетой среди нагих, зрячей среди слепых. А она, дочь страны волшебников, когда-то пришла сюда, потому что полюбила.

«Всего лишь раз, и это было давно». Всего лишь раз Эйль солгала мужу, когда сказала, что в ней нет волшебства. Иначе Ульм не взял бы ее на свою родину, где на любого мага смотрели с ненавистью и страхом. И женщина оплела свою силу клеткой из кос, корсетов и шнуровок, заключила ее в сеть из сплетенных узелков и послушно старела вместе с мужчиной, которого выбрала.

Но порой дверь клетки приходилось открывать.

Эйль остановилась перед узким перешейком, ведущим на Остров. Потом опустилась на колени и склонилась до самой земли. С распущенных волос начала капать вода, словно одинокую странницу вдруг застиг ливень; но небо было чистым. Струи лились на землю, размягчая ее, превращая в темное месиво. Женщина запустила руки в грязь и принялась лепить что-то, непрерывно напевая. Она создавала земляное

тесто и начиняла его шепотом, теплом своих пальцев, потаенными мыслями и чувствами. Наконец, получилось нечто, похожее на буханку черного хлеба. Этот хлеб обжигал ладони, словно его и вправду только что достали из печи.

С буханкой в руках Эйль подошла к большому холму у самого перешейка и поклонилась ему.

– Пробудись, Хранитель! Прими этот скромный дар.

Холм дрогнул, кусты склонились и поредели. Растревоженный зовом и запахом Зверь пошевелился и гулко сделал шаг. Женщина положила хлеб чуть поодаль и, вновь поклонившись, отошла. А Зверь протянул свое земляное тело поперек дороги и взял дар языком, похожим на древесный корень. Взял медленно и осторожно, как ребенок – редкое лакомство. Кусты и травы вновь сомкнулись над его телом, и Зверь затих, погрузился в сон, задуманный на тысячу лет.

Эйль вздохнула, очистила руки травой и заплела волосы в две косы.

Проходя мимо окрестных деревень, она слышала шепот селян, твердивших о землетрясении – «только бы скотина не захирела». И лишь улыбалась, скользя между домами – невидимая, неощутимая, пропитанная древней магией до самых костей. Эйль вернулась еще до рассвета, в нужный час разбудила мужа и передала ему суму с едой и камешками для молитв.

– Ты что же, совсем не спала? – Ульм поцеловал ее волосы и согрел замерзшие пальцы, и она в который раз поняла: все,

что с ней когда-то случилось – не ошибка, так и должно было быть.

Он попросил, чтобы Эйль сразу ушла в сад и не смотрела в окно, не ловила взглядом его исчезающую тень. Она согласилась лишь для вида. Женщину не страшил вид из окна, потому что она знала: ее муж вернется. Вернется раскрасневшимся и нарочито спокойным и скажет: «Ты не поверишь, но холм опять сдвинулся и преградил мне путь. Мудрецы сказали, что это знак. Еще не время». Но Эйль также знала, что Бальдок Однолист не привык отступать и что холм скоро вернется на свое место, открывая путь к проклятому Острову.

Да, пусть не спасение – отсрочка. Месяц, год или всего лишь дни? Странно, но именно в это утро, именно у этого окошка такая мысль не рвала душу. Ибо то была завтрашняя мысль, а сегодня случится нечто более важное: возвращение. Между настоящим и будущим – пропасть, завтра будут какие-то другие мужчина и женщина, а все настоящее, все живое – сегодня.

Эйль отбросила в сторонку ненужные мысли и приготовилась чувствовать себя счастливой.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

Когда Линграм наконец вернулся домой, прошагав без передышку двенадцать миль, то первым делом осушил две

кружки яла и заявил сам себе:

– Посмотрим, как он теперь выкрутится. У меня есть доказательство!

И молодой человек довольно глянул на обмотанный лентой свиток, за которым ходил в город. Подпись самого мудреца Мерлока, да еще с печатью – какие уж тут шутки! Даже интересно, что простофиля Ллинт скажет на этот раз.

...Их дома единственные стояли за речкой – на отшибе деревни. Ллинграм зажил сам по себе после смерти матери; бродяга Ллинт однажды заночевал в пустующей хижине через поле, да так и остался. Понятное дело, что между двумя соседями, отрезанными от деревенской жизни полосой воды, не могли не возникнуть отношения. Правда, это оказалась не дружба и не вражда, а нечто совсем иное.

Все соседство молодых людей вылилось в один большой спор. Как-то Ллинт признался, что уже давно охотится за феями. Ллинграм, который считал себя человеком образованным, тут же заявил, что фей не бывает. «Все это сказки!» – настаивал один сосед. «Нет, не сказки, – упирался другой. – Я сам их видел!» – «Конечно, после бочонка медовухи!» – «Вот поймаю парочку, убедишься». – «Ха!» – «Неприменно поймаю, или уж они меня с собой унесут!»

Каждое утро, если только не намечалась ярмарка, Ллинграм шел к соседу, чтобы привести какой-нибудь новый довод против существования фей. При этом он гордо надевал свою черную широкополую шляпу – знак учености и превос-

ходства. Линт, однако, не собирался сдаваться. Как только он видел шляпу, бредущую к нему сквозь заросли кукурузы, то сразу же натягивал особые ловчие сапоги – знак того, что готов дать отпор.

Пока между соседями числилась ничья: упрямства обоим было не занимать. Но в конце концов Линграм решился на тяжелый для своих мозолей шаг: отправиться в близлежащий город и добиться расписки настоящего ученого под словами «В фей верят лишь дети и глупцы».

«Никуда он не денется, – с легким злорадством повторял молодой человек. – Признает как миленький, что был неправ».

Он даже ялу выпил лишь для того, чтобы побыстрее заснуть и дожждаться утра.

И вот, это утро наступило. Линграм с особой тщательностью разгладил поля ученой шляпы, нарочито небрежно сунул свиток под мышку и направился к дому Линта.

– Эй, горе-охотник! – с порога крикнул он.

Но ему никто не ответил. Похоже, Линта не было. Линграм даже прикрикнул от досады.

«Отправился за своими сказками ни свет ни заря. Но ничего, я не отступлюсь. Буду ждать его прямо здесь».

Линграм устроился в старом кресле и только через какое-то время заметил, что в доме соседа холодно. Печку не топили дня два, а то и три. Окно было приоткрыто, и ветер гонял по полу белесую золу.

– Линт?

Не случилось ли чего? Или этот чудак ушел так же внезапно, как когда-то появился в этих краях? Линграм вспомнил, что вчера вечером вернулся таким усталым и поглощенным свитком, что даже не обратил внимания, горит ли у Линта свет.

Комната выглядела нежилой и заброшенной. Молодой человек поежился и решил развести огонь в очаге – на тот случай, если ждать придется долго.

Потянувшись за поленом, он внезапно отдернул руку. На полу лежала маленькая вещь, которая никак не могла там находиться. Никак. И все-таки она была, такая смутно знакомая. Линграм поднял и положил на ладонь сапог, ладно скроенный, со щербатой пряжкой и давно стоптанным носом – но с полпальца длиной.

Ловчий сапог Линта. Нет, так не бывает. Или...

Линграм понял – как понимают всего одно слово, меткое и острое, что мгновенно разбивает спутанный клубок догадок. Он вскрикнул, отбросил сапожок и выскочил из дома, забыв на столе свиток с ученой шляпой. А вслед ему донесся – или это ветер так свистел в кукурузе? – тонкий смех, похожий на колокольчиковый звон.

ПАДЕНИЕ

Наверное, они хотели построить здесь храм. Ведь эта ка-

менная поляна будто создана для молитв, а то ущелье с огненной рекой внизу – для жертв. Они даже начали: вырубili в скалах две колонны и наметили лицо будущей статуи – то ли великого дуса, то ли им одним ведомого божка.

Кто «они»? Старик не знал. Может, мудрейшие. А может, простые люди, такие жалкие и трогательные, облаченные в тряпье из невежества. Отмахнувшись от эха, как от назойливой мухи, он сел у самой пропасти. И положил перед собой большую книгу в причудливом дорогом переплете. Каждый раз, приходя сюда, старик двигал книгу то ближе к краю, то подальше от него, на палец, на полпальца, словно играл в какую-то мучительную одинокую игру.

В конце концов, он так и заснул – сидя, впившись пальцами в переплет. Годы брали свое. Когда старик пробудился, он увидел неподалеку корзину с хлебом и сыром. Наверное, еду принес пастух или кто-то из его детей.

– Видишь? – произнес он, глядя на каменное лицо в скале. – Они все забыли. Они свободны.

– Как же, – глухо отозвалась статуя. – Человек больше не часть природы. Листья, упавшие с одной ветки, не прирастают к другой.

Конечно, истукан этого не говорил и даже не шевелил губами – у него и губ-то не было, одни наброски. Старик сам выдумал ответ. Он жаждал общения с ровней, с тем, кто знает и помнит. А таким в поселке был только он один.

– Но есть ветви, которые в воде пускают корни.

– Здоровые ветви, – возразила статуя. Она была подходящим собеседником, неторопливым, умудренным сотнями лет. – А не побеги дерева, сгнившего насквозь. Нет, такое возможно только у людей: ты забираешь у преступника ребенка, растишь его в неведении и превращаешь в достойную особь. Только не много ли ты на себя берешь? Это не младенец, а целый народ!

– Короткая память – прекрасный дар, – пробормотал старик.

Он не имел в виду себя. Он-то все помнил. А что не помнил, то подсказывала книга – летопись его земель, древняя и беспристрастная. Тех земель, что они потеряли. Старик в который раз стал бережно перебирать страницы, водя пальцами по нарисованным горам и морям, дворцам почти небесной красоты, утратившим жизнь портретам и числам, бесконечным числам. Последние листы, уже без рисунков, раздувались от обилия фраз, резких, сжатых, как военные приказы. И чернила были уже не синими – багровыми.

«Багровые. – Слово вертелось на языке и отскакивало от поредевших зубов. – Багряные. Обагрённые».

Старик захлопнул книгу и достал из корзины хлеб. Люди почитали своего мудреца, хоть и никогда не обращались к нему за советами. Они были где-то внизу, их голоса доносились гулко, неровно: играли дети, перекрикивались пахари.

– Осколки, – произнес истукан. – Слышал, как их называют здешние? Дички, болотники! Их даже не гонят – никому

до них нет дела. Они уже свыклись. Может, этому племени уготовано стать рабами, как соломенным дикарям? И ты ничего не скажешь?

– А что мне сказать? – буркнул старик, заворачивая сыр в мякиш.

– Напомнить, что их род был великим. Что их предки поднялись так высоко, как не поднимался ни один властитель Эрминтии, ни один мудрец, ни один волшебник!

– Да, лезли все выше, брали все больше – и сорвались. Упали, как никто до них не падал. Ты хочешь, чтобы я посмотрел в эти лица, в эти глаза и поведал им, за что у йунов забрали дар магии? Рассказал маленькой толстушке мельника, что в ее венах течет черная кровь? Назвал однорукого бортника предателем всего в третьем колене? Сделал видимой всю эту грязь, от которой они никогда не отмоются – если будут знать? А они не знают, не знают...

– Зато йуны не позволят унижать себя.

– Пусть унижаются, – прошептал старик, – но видят чистые сны.

Статуя склонила голову – то ли согласилась, то ли устала от споров – и замолкла. Ее лицо затерялось в скале; глаза, нос, губы уже казались просто обветриями.

«Решился? – судорожно ощупывал свое сердце старик. – Решился?»

Немного, еще чуточку. Ведь неизвестно, сколько впереди дней. Может, завтра он уже не спустится отсюда, и ветер при-

бьет его тело к щеке истукана, как волны прибивают мелкую добычу к камням. И кто-нибудь найдет книгу, и прочитает все, и ничего на самом деле не поймет...

Еще, еще... Половина уже свисала над пропастью. Пальцы замерзли, не двигались. Хлебные крошки, упавшие за воротник, стали царапать кожу.

Внизу радостно завизжал ребенок, и этого звука хватило на последний толчок.

Вся история великого, бесстрашного, самонадеянного народа, прародителя верховных жрецов и магов, сжалась в черную точку и исчезла в огненной реке. Теперь остались только йуны с приросшей намертво шкуркой земледельцев и следопытов. Они уплыли, они забыли. И некому больше вспомнить.

Что-то закончилось, что-то начиналось.

Старик вздохнул с горьким облегчением и медленно побрел вниз, держа руку за пазухой, у иссохшей груди. Там лежал единственный вырванный лист: портрет юной женщины с цветком в руке, названия которого уже никто не знал.

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Грумс всегда понимал, что к простым людям не следует относиться с пренебрежением. Но он также знал, что нельзя позволять им думать, будто ты один из них. Поэтому он тщательно готовился перед тем, как распахнуть свои двери: рас-

чесывал бороду и разделял ее на две жесткие копны, скручивал волосы в косу, приглаживал сюртук. Бляшке на ремне полагалось блестеть ровно настолько, чтобы отражать солнце, но не притягивать взгляд: все-таки неприятно, когда плятятся на твой живот. Затем Грумс полировал ногти, начищал фамильный перстень и взбирался на скамеечку, дабы прибавить росту. Возвышаться над всеми – это важно, но опять же, нужно не переусердствовать.

Когда сам он был готов, дело оставалось за малым: должным образом представить сокровища. Грумс заботливо поправлял глиняных драконов, расставлял свистульки и вывешивал бусы так, чтобы они раскачивались на ветру. И только после всего этого он открывал лавку, и день на рынке по-настоящему начинался: лишь тогда наполнялась площадь, рождались голоса и вспыхивал смех.

Грумс один знал, что все обстоит именно так.

НАИЗНАНКУ

Ступая крадучись, с оглядкой, Тала поднялась по старой лестнице на чердак. Лютик недавно вышмыгнула оттуда, надо бы проверить. Так-так, да тут тайник – только без тайны. Ее сестра слишком мала, чтобы на самом деле что-то спрятать: там следы, здесь влезла пятерней в пыль. И половица лежит неровно. Глупая девчонка!

Тала откинула полусгнившую доску и замерла. В нише ле-

жал лист бумаги, сложенный во много раз, почти скомканный в горошину.

«Я так и знала! – с досадой подумала девочка. – А ведь мы только месяц как переехали».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.